

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА КОРЕЙСКОГО ЭТНОСА

Пак Елена Геннадьевна, аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27, к. 4

E-mail: lenapakubf@mail.ru

Культура является неотъемлемой характерной особенностью любого этноса. Корейская культура была скрыта от западной цивилизации из-за жесткой изоляции страны вплоть до конца XIX в. Эта культура развивалась в течение тысячелетий как вторичная на периферии китайской цивилизации, но тем не менее приобрела свои уникальные характерные устойчивые черты. Культурный комплекс корейской нации – самостоятельный, обладающий мощными внутренними ресурсами. Одной из главных его особенностей является гармоничное сочетание элементов, исключительно национальных по своим истокам, с заимствованными из соседних культур Китая, Монголии и Японии, а также России, Европы и Америки. Воспринятые компоненты были не ассимилированы, а индигенизированы в культуру этноса, что в результате не ослабляло или растворяло существующий культурный комплекс, а усиливало и обогащало, и исследование подобных процессов, безусловно, привлекает внимание ученых.

Ключевые слова: этнос, корейская этническая культура, индигенизация, язык, традиции, религии, национальная культура, современная культура, К-поп

THE CHARACTERISTICS OF THE CULTURAL COMPLEX OF THE KOREAN ETHNIC GROUP

Pak Elena G., postgraduate student

4/27 Lomonosovskiy Ave., Moscow, 119991, Russian Federation

E-mail: lenapakubf@mail.ru

Culture is an integral characteristic feature of any ethnic group. Korean culture has been hidden from Western civilization because of rigid isolation of the country until the end of the nineteenth century. This culture has developed over thousands of years as a secondary on the periphery of the Chinese civilization, but nevertheless acquired its own unique characteristic resistant features. The cultural complex of the Korean nation is an independent, it has strong internal resources. One of its main features is the harmonious combination of the elements exclusively for their national origins with borrowed from neighboring cultures of China, Mongolia and Japan, as well as Russia, Europe and America. The perceived components were not assimilated into the culture and became indigenous by the ethnic group. The result is the existing cultural complex was not weakened or dissolved, but enriched and strengthened, and the study of such processes will certainly attract the attention of scientists.

Keywords: ethnos, Korean ethnical culture, indigeneity, language, traditions, religions, national culture, modern culture, K-pop

Корейская этническая культура – это, прежде всего, локальная культура. По утверждению Э.С. Маркаряна, под этнической культурой стоит понимать «локально-неповторимое своеобразие этносов, кристаллизующееся в массивах этнокультурных традиций» [8, с. 190]. Для выявления характерных черт культуры корейского этноса мы используем метод «генерализирующей индивидуализации» [8, с. 22], т.е. будем рассматривать конкретный комплекс в двух проекциях: искать общие черты и этапы развития, а также обратим внимание на «конкретно-исторические, локально-индивидуальные связи изучаемых систем со средой, от которой абстрагируются общие исторические типы» [8, с. 195].

Общие черты культуры обычно проявляются в сфере материальных технологий, коммуникации, одежды, поселений, жилищ, пищи, искусства, досуга и других, локальные же этнические особенности – в обособленных областях культуры, таких как язык, религия, этические нормы и т.д. [8, с. 197]. В основу данного исследования по-

ложены идеи таких ученых, как Ю.В. Бромлей, В.М. Межуев, Э.С. Маркарян и И.А. Гобозов.

Всякий культурный комплекс прежде всего отражает в себе выработку «локально специализированных способов существования» [8, с. 201], в которых прослеживается освоение этносом окружающей среды. Исторический опыт как общности людей, так и индивидов запечатлевается в традициях, менталитете, материальных «артефактах», создавая систему с неповторимым обликом, индивидуальность которой отражается в особой взаимосвязанности элементов. В связи с этим невозможно говорить о превосходстве одного культурного комплекса над другим, а лишь об уникальности каждого и их взаимосвязанности.

Следует подчеркнуть, что пытаясь нащупать истоки древних культур народов Востока, в том числе и Кореи, мы имеем для исследования лишь немногие сохранившиеся рафинированные артефакты: это отдельные предметы искусства и быта, чудом сохранившиеся архитектурные сооружения. С тех времен не осталось письменных документов, а лишь мифы, предания и традиции, передавшиеся в устной форме из поколения в поколение. Однако неправомерно говорить о том, что древняя культура исчезла и растворилась в веках. К. Леви-Строс был глубоко убежден, что «все цивилизации... по мере своего распространения вбирали в себя элементы “первобытного” образа жизни, “примитивного” мышления, “примитивного” поведения... Незаметно для нас такие “примитивные” элементы видоизменяют эти цивилизации изнутри» [7, с. 31].

«Культура» в корейском языке «문화» (кит. 文化) содержит тот же иероглиф «мун» (文), что и цивилизация «문명» (кит. 文明). «Мун» – это узор, образ, принцип. Культура есть повторение принципа, образец, который становится всеобщим. В термине «цивилизация» заключен иероглиф «просвещение». Просвещение лежало в основе формирования здорового процветающего общества, и цивилизация в понимании корейцев стоит выше культуры. Культурный человек (문명가) – это, прежде всего, цивилизованный человек. Корейцы в силу географического положения и исторического развития этноса всегда считали себя высоко цивилизованным народом, вассально преклонялись лишь перед Китаем, воспринимая как варваров все другие народы, включая монголов, японцев и даже европейцев [5, с. 69].

Культура любого этноса главным образом связана с его языком, который играет важнейшую роль в передаче этнокультурной информации. Именно язык, по утверждению В.М. Межуева, обладает наиболее отчетливыми этническими функциями: «Вне языка нет культуры, а культура на каждом этапе своего существования символически оформляется, находит свое выражение прежде всего в языке. Язык общения в наибольшей степени отличает один тип (или пласт) культуры от другого» [9, с. 29]. В обыденном сознании именно язык часто выступает одним из отличительных признаков членов этноса. Формирование этноса и его языковой общности представляет собой единый процесс. Корейцы гордятся своим языком. Лишь однажды в многовековой истории его попытались отнять у корейского народа. Во время японской аннексии (1910–1945) японцы запрещали корейцам говорить на родном языке, закрывали национальные школы и учили детей в школах японского типа, что привело только к большему всплеску национального самосознания и активному сопротивлению оккупантам.

В корейском языке запечатлелась жесткая иерархическая структура общества. Сыновье повиновение и почитание старших зародилось еще в родовом строе, в суровых условиях выживания, впоследствии оно было укреплено конфуцианством, им по сей день измеряется ценность индивида в социуме. К человеку обращаются в зависимости от его социального положения, для чего используются разные слова-обращения и глагольные суффиксы, и тому, кто не обладает правильной речью и манерами, трудно завоевать уважение в обществе.

Семья, община, род играют важную роль в формировании этнической культуры. В этих социальных институтах осуществляется связь между поколениями, что обеспечивает преемственность и стабильность этноса во времени. Род и семья занимали центральное место в культуре и сознании корейцев. Близкими считаются родственники до восьмого поколения, и такая родовая близость прослеживается в корейской антропонимии. Фамилий в корейском обществе немного, и у каждой из них многовековая история. Главных родов всего шесть: Ким, Пак, Ли, Че, Ан, Хан, общее же их количество – 104, хотя корейцы утверждают, что действительных всего 74–75 [6, с. 26–28]. В иероглифических написаниях имен запечатлены стихии природы (дерево, огонь, земля, металл, вода) и связь поколений, в них также входят иероглифы конфуцианских добродетелей (гуманность, нормы поведения, верность, справедливость, знание). В корейском обществе имя человека глубоко символично, его выбирают задолго до рождения, зачастую специальные люди (шаманы, гадалки), руководствуясь общими правилами.

Невозможно изучать этническую культуру, не обращаясь к широкому пласту мифов, легенд и преданий, которые на ранних этапах служили фундаментом для формирования этноса и надежным способом передачи информации из поколения в поколение, и которые никуда не исчезали, но с наибольшей силой проявлялись в периоды национальных потрясений и трудностей. Мифы трансформировались в легенды о героях, и эти сочинения уже содержат наиболее ценные сведения о происхождении этнической группы. Легенды зачастую вбирали в себя детали и сюжеты из мифов и продолжали существовать в классовом обществе, играя существенную роль в идеологической сфере [3, с. 126–127].

С древнейших времен до наших дней дошло множество мифов об истоках отдельных родов и всего корейского этноса. Одним из самых распространенных является миф о родоначальнике корейского народа Тангуне, сыне Небесного Правителя и медведицы, который основал Древний Чосон в 2333 г. до н.э. [11, с. 23]. Мифы о Тангуне и основателях государства («конгуг синхва»), пережив определенную «историзацию», превратились в часть традиционной истории. Эти легенды всегда «дремали» в подсознании народа и «оживали» в самые критические моменты, во время вражеских вторжений, порождая новых героев, о которых, в свою очередь, также слагали легенды. Рисунки воинов, стоящих в стойках тэквон-до, корейской национальной борьбы, найдены в древнейших королевских гробницах (дольменах). Образы и сюжеты, взятые из мифического наследия, обычно использовались для укрепления престижа правящей династии и государственности и оказывались зачастую важным весомым аргументом в борьбе за власть [3, с. 158]. В начале XX в., в период сопротивления японским оккупантам, миф о Тангуне возродился с новой силой и стал краеугольным камнем корейского национализма. Тангуна превратили реальный исторический персонаж, его могилу «обнаружили» на севере Кореи и возвели там помпезный мавзолей [11, с. 24].

Еще одним важным характерным признаком корейского этноса стоит считать религию. Хотя религии универсальны и во многих случаях не могут быть выделены как особенность того или иного этноса, однако в Корею на протяжении ее исторического развития сложился оригинальный религиозный комплекс, который стал неотъемлемой частью и характерным признаком корейской культуры. Этническое самосознание и мироощущение корейцев сформировалось на шаманизме (косиндо), аутентичной религии корейцев. Религии, которые впоследствии проникали и укреплялись в Корею: буддизм, даосизм, конфуцианство и христианство, не конфликтовали с шаманизмом, но получили от него неповторимую окраску и колорит. В стремлении к общечеловеческим ценностям, таким как счастье, благополучие и долголетие, корейцы из даосизма учились терпению, естественности, удовлетворенности и гармонии; из конфуцианства – преданности, почтительности, справедливости и честности, из буддизма брали сострадание. Когда в XVIII–XIX вв. все эти учения перестали удов-

летворять умы и души корейцев, они живо восприняли христианские идеи, которые провозглашали равенство и свободу.

В попытке выявить специфические черты конкретной культуры невозможно обойти вниманием «традиционно-бытовую культуру», так как именно в ней «непосредственно сосредоточены наиболее характерные черты этноса» [1, с. 140]. Корейцы заимствовали у китайцев палочки и культуру ведения сельского хозяйства, стиль официальной одежды, черепицу, повозки, носилки, висячие мосты, литье металла и глазированную керамику, обработку кожи и музыкальные инструменты, книги, иероглифы, но, в то же время, пищевые привычки корейцев кардинально отличаются от китайских, уникален традиционный корейский костюм [14, с. 326–329]. По мнению американского антрополога К. Осгуда, именно традиционно-бытовая культура корейского этноса позволяет рассматривать ее как отдельный самостоятельный комплекс, хотя и получивший колоссальное влияние со стороны китайской культуры и цивилизации.

На смену всякой этнической культуре, которая позволяет «народам оставаться самими собой, сохранять и воспроизводить себя в своем изначальном качестве», на более высоких ступенях исторического развития приходят национальные культуры, начало которых, по утверждению И.А. Гобозова, обусловлено процессом формирования национального государства, с переходом от феодализма к капиталистической общественно-экономической формации [2, с. 14]. Возникновение национальной культуры обуславливает процесс становления национальной идентичности, осознание своей несхожести с другими народами [9, с. 35].

В случае с Кореей легко смешивать культуру этническую и национальную. Этническое самосознание корейцев начало зарождаться на стадии формирования первых государств (I–X вв. н.э.), в период борьбы за национальную независимость более всего с китайцами, а впоследствии и с монголами, задолго до создания собственной письменности (XV в. н.э.). В основу этногосударственного самосознания легло представление о высшей ценности культуры и религиозной традиции корейского этноса, что противопоставлялось дикости язычников-завоевателей [10, с. 151–156].

К началу XX в. корейский народ созрел в своем стремлении к свободе и модернизации закостенелого общества, что привело к существенным сдвигам в культуре. В период перехода от феодализма к капитализму, во время борьбы за колониальную независимость происходило активное становление корейского народа как нации, стремящейся занять свое уникальное независимое место в существующем миропорядке. В 1904 г. пала последняя королевская династия Ли, и Корея стала бесправным протекторатом Японии, впервые в истории потеряв свою независимость. С 1894 г. западные страны и Япония стали вкладывать свои капиталы в Корею с целью освоения ее рынка и природных ресурсов, иностранцы приносили с собой и новые идеи. Прежние религии и идеи исчерпали себя, и общество активно искало пути выхода из политического, экономического и духовного кризиса. Желание освобождения и спасения, жившее в веках, нашло свое воплощение в создании новых религиозных течений, патриотических организаций, а также в стремительном распространении протестантских идей, которые активно проникали в страну через американских миссионеров. Самым удивительным в истории строго конфуцианской Кореи стало то, что христианство проникло и прочно укоренилось в корейском обществе в XX столетии. В 1900 г. в Корее было 25000 протестантов, в 1910 г. – около 200000, а в 1990 г. – порядка 8 млн человек (1/3 населения Южной Кореи). Такого успеха в темпах распространения христианство не имело ни в одной из азиатских стран в XX в., и этот феномен в настоящее время активно изучается в корейском обществе и за рубежом.

Одним из секретов данного феномена была индигенизация христианских идей в оригинальный культурный комплекс корейского народа, в частности, перевод имени Бога на этнический язык – всегда первый шаг для внедрения христианства в любую культуру. Идея монотеистического Бога была представлена корейскому народу как глубоко укорененная в его религиозной культуре, где уже был «Хананим» (하나님),

«Господь Небес», прародитель Тангуна, основателя корейского народа, и имя христианского Бога-Иеговы было переведено на корейский язык как «Хананим». К Господу Небес были обращены чаяния многих корейцев в период национальных бедствий в конце XIX – начале XX в. Доктрина о Троином Боге, также скрепленная с этнической традицией, была прекрасно принята быстро растущей корейской церковью, что давало возможность для диалога зарождающейся религии с глубоко укорененными. С новым Богом и Его Духом любви и жизни угнетенные корейцы могли противостоять японским агрессорам с их синтоизмом, основанном на материализме и милитаризме, что способствовало росту национального самосознания и патриотизма [13, с. 81–83].

Люди присоединялись к церкви по социальным, экономическим и политическим причинам. В силу характерных особенностей культуры корейского этноса и менталитета народа корейское христианство является крепко спаянным гибридом индигенизированной корейской культуры, китайского и англо-американского протестантизма [13, с. 305]. Благодаря прагматичности протестантских идей и удачному стечению обстоятельств, способствовавших успешной миссионерской деятельности, протестантизм получил широкое распространение в корейском обществе, став помощником в борьбе за освобождение и дальнейшей модернизации страны. Численность христиан до сих пор увеличивается, как и их влияние в обществе, хотя темпы, безусловно, замедлились.

Историческая реальность, с которой столкнулась Корея в XX в. (японская аннексия, разделение страны, гражданская война и необходимость модернизации страны), стала серьезным вызовом для нации. Закрытая и отсталая Корея оказалась под влиянием глобальных потоков, которые приносили унифицированные ценности, что могло привести к уничтожению всяких культурных различий. Корейская нация столкнулась с проблемой выбора меры соотношения глобального и локального, и в подобной ситуации выбор путей модернизации в первую очередь зависел от политики власти [9, с. 357]. Несмотря на мощное влияние США и европейских стран, на глубокую экономическую зависимость Кореи от западных кредиторов корейское правительство выбрало не путь «вестернизации», а «догоняющую модернизацию», в результате которой сохранялась возможность национально-государственной независимости, что было крайне важно в условиях глобализации [9, с. 353]. Политическая элита намеревалась использовать культуру как фундамент для сплочения нации и как мощный рычаг в модернизации страны. Многовековая этническая гомогенность и сложившийся на ее почве патриотизм были прочным цементом для укрепления корейского национального духа и воссоздания национальной идентичности, которые были существенно подорваны аннексией и разделением страны.

Западная культура неизменно несла с собой коммерциализм, материализм, насилие, плотскую чувственность, насаждая индивидуализм и гедонизм, которые угрожали стереть такие национальные культурные ценности, как человечность, мораль, духовное самовоспитание и превосходство духовной жизни над материальной, а также сформированные конфуцианством добродетель, гармонию, верность, благопристойность, праведность и лояльность. Уделяя же особое внимание культурной политике, корейское правительство целенаправленно укрепляло национальную идентичность [16, с. 37–48]. Специальные «культурные пятилетние планы», образовательные программы, открытие музеев национальной истории были направлены на то, чтобы воспитывать в людях самоидентичность и креативность как средство избежать поглощения национальной культуры иностранными. Конструктивисты позже заговорили о том, что никогда не существовало такого понятия как «корейская национальная идентичность», она была сконструирована в послевоенный период активными усилиями и пропагандой правящей элиты [15, с. 4–17]. Однако трудно себе представить, насколько это был бы успешен «конструкт», если бы его элементы не были созданы веками самим корейским народом.

После разделения страны южнокорейское правительство направляло общество на путь «сосуществования локальной культуры с глобальными культурными формами без какого-либо значимого взаимодействия и интеграции» [4, с. 122]. Однако попав в волну экономического расцвета в 1990-х гг., правящие круги взяли курс на «гибридизацию», «максимальное участие в глобальных процессах» с адаптацией глобальных потоков под существующие ценности [4, с. 124]. Корейское правительство стимулировало национальную гордость корейского народа, показывая возможность выйти на международную арену и занять там достойное место. Такая политика глокализации в области культуры привела к возникновению «Корейской волны» (한류), а впоследствии «К-рор»-культуры, которые в настоящее время набирают силу не только в странах Азии, но Европы и США [12, с. 38–56].

Проведя анализ культурных особенностей корейского народа с использованием структурно-функционального метода, мы пришли к выводу, что культурный комплекс корейской нации – самостоятельный и уникальный, обладающий мощными внутренними ресурсами, способными не ассимилироваться с другими культурами, но индигенизировать подходящие ей по внутреннему строю элементы. В XXI в., когда мир существенно расширил свои границы, и столкновение глобального и локальным стало неизбежным, корейская нация выбирает путь глокализации, сохранения национальной культурной идентичности и адаптации глобальных потоков к местным реалиям, а также активное представление своей культуры миру.

Список литературы

1. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. Изд. 4-е. Мпцсква : Либроком, 2012. 436 с.
2. Гобозов И. А. Несостоявшийся мультикультурализм // *Философия и общество*. 2011. № 3. С. 5–20.
3. Джарылгасинова Р. Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики («Стела Квангэтхована»). Москва : Первое марта, 2010. 251 с.
4. Кирьянова Л. Г. Общество в контексте глобально-локальных отношений. Томск : Дельтаплан, 2007. 151 с.
5. Ковальчук М. В. Корея и Япония: особенности восприятия западной цивилизации // *Известия Дальнего Востока*. 2002. № 5. С. 64–75.
6. Конрад Н. И. Запад и Восток. Москва : Наука, 1965. 581 с.
7. Леви-Строс К. Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. Москва : Республика, 1994. 384 с.
8. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука (логико-методол. анализ). Москва : Мысль, 1983. 283 с.
9. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. Москва : Университетская книга, 2012. 403 с.
10. Пак Е. Г. Социально-философский анализ истории формирования менталитета корейского народа // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 1 (61), т. 2. С. 151–156.
11. Тихонов В. М., Кан М. История Кореи. Москва : Российский гос. гуманитар. ун-т, 2011. Т. 1. 533 с.
12. Ju H. Glocalization of the Korean Popular Culture in East Asia: Theorizing the Korean Wave. Norman : University of Oklahoma, 2010. 227 p.
13. Oak S. D. The Making of Korean Christianity: Protestant encounters with Korean religions, 1875–1915. Waco : Baylor University Press, 2013. 411 p.
14. Osgood C. The Koreans and their culture. New York : The Ronald Press Company, 1951. 378 p.
15. Pai H. I. Constructing “Korean” Origins: A Critical Review of Archaeology, Historiography, and Racial Myth in Korean State-formation Theories. Cambridge : Harvard University Asia Center, 2000. 543 p.
16. Yim H. Cultural Identity and Cultural Policy in South Korea // *The International Journal of Cultural Policy*. 2002. Vol. 8 (1). P. 37–48/

References

1. Bromley U. V. *Ocherki teorii etnosa* [Esses of ethos' theory]. Moscow, Luberkom Publ., 2012, 436 p.
2. Gobozov I.A. Nesostoyavshyysya multiculturalizm [Frustrated multiculturalism]. *Philosophya i Obshestvo*, 2011, no. 3, pp. 5–20/
3. Dzhrylgasinova R. S. *Ethnogenes i etnicheskaya istoriya koreychev po damym epigraphiki ("Stella Kvangetho-vana")* [Ethnogenesis and ethnic history of Koreans according epigraphy ("Stella Kvangetho-wang")]. Moscow, Pervoe marta Publ., 2010, 251 p.
4. Kiryanova L. G. *Obshestvo v kontekste globalno-lokalnykh otnošeniy* [Society in the context of global-local relations]. Tomsk, Deltaplan Publ., 2007, 151 p.
5. Kovalchul M. V. Korea i Yaponiya: osobennosti vospriyatiya zapadnoy tsivilizatsiy [Korea and Japan: especially the perception of Western civilization]. *Izvetiya Dalnego Vostoka*, 2002, no. 5, pp. 64–75.
6. Conrad N. I. *Zapad i Vostok* [West and East]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 581 p.
7. Levi-Stros K. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Moscow, Respublika Publ., 1994, 384 p.
8. Markaryan E. S. *Teoriya kultury i sovremennaya nauka (logiko-metodol. analiz)* [The theory of culture and modern science (logic-metodol. analiz)]. Moscow, Mysl publ., 1983, 283 p.
9. Mezhyev V. M. *Ideya kultury. Ocherki po filosofii kultury* [The idea of culture. Essays on the Philosophy of Culture]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2012, 403 p.
10. Pak E. G. Sotsialno-philosophsky analiz istorii formirovaniya mentaliteta koreyskogo naroda [Socially-philosophical analysis of the history of the formation of the mentality of the Koreans]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 1 (61), vol. 2, pp. 151–156.
11. Tikhonov V. M., Kang M. *Istoriya Korei* [The History of Korea]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2011, vol. 1, 533 p.
12. Ju H. *Glocalization of the Korean Popular Culture in East Asia: Theorizing the Korean Wave*. Norman, University of Oklahoma, 2010, 227 p.
13. Oak S. D. *The Making of Korean Christianity: Protestant encounters with Korean religions, 1875–1915*. Waco, Baylor University Press, 2013, 411 p.
14. Osgood C. *The Koreans and their culture*. New York, The Ronald Press Company, 1951, 378 p.
15. Pai H. I. *Constructing: Korean: Origins: A Critical Review of Archaeology, Historiography, and Racial Myth in Korean State-formation Theories*. Cambridge, Harvard Univ. Asia Center Publ., 2000, 543 p.
16. Yim H. Cultural Identity and Cultural Policy in South Korea. *The International Journal of Cultural Policy*, 2002, vol. 8 (1), pp. 37–48.